

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

И. А. Кацапова

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9662

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема адаптации философско-правового знания к современным условиям общежития. Статус философии права как междисциплинарной области знания: проблемы методологического и мировоззренческого подходов в обосновании философско-правовой проблематики. Анализируется современное положение в юридической науке: соотношение теории и практики. Обосновывается принцип профессионального подхода в юридической науке, связанный с юридической догматикой. Концептуально обосновывается теория нормативности: современная версия теории нормативности (Р. Дворкин) и историческая ретроспектива отечественной традиции в обосновании теории нормативности (П. Новгородцев, Л. Петражицкий, И. Ильин). Обсуждается актуальная проблема моральных принципов права, традиция осмысления права в тесной связи с категориями морали. Предлагается рассмотреть её с точки зрения специфики соотношения юридического мировоззрения и правосознания. В частности, в теории правосознания обосновывается императивно-атрибутивная сущность правоотношений. Раскрывается содержание современных дискуссий по вопросам осмысления социальной роли права: принципа верховенства права или законодательства. Обосновывается важность философии права как современной области знания. Выявляется значение культурно-исторического контекста в обосновании преемственности идей, смыслов, направлений.

Ключевые слова: философия, философия права, философская рефлексия, право, мораль, юридический позитивизм, юридическое мировоззрение, правосознание, культура, историческое.

Философия и право: понятно, что сегодня в публичном пространстве сочетание этих категорий, по меньшей мере, может вызвать недоумение, а в общем плане даже показаться абсурдным. В сознании современного человека понятие «право» в большей мере соотносится с общественными институтами, многие из которых представляют собой «необходимое условие успешного достижения сознательных целей»¹ в силу того, что по сути дела являются результатом исторических усилий и установившихся общественных практик: обычаев, привычек и т.д. Одновременно человек соотносит понятие права с правилами общественного поведения, которые не только регулируют, но и ограничивают его действия, над происхождением и назначением которых в целом он даже не задумывается, но точно знает, что дол-

жен им следовать. Разумеется, восприятие такого рода социальной практики не может включать в себя заинтересованность кого бы то ни было в «исследовании» сущности такого понятия как «философия права». И вполне резонно предположить даже, что для современного обывателя самого понятия «философия права» не существует, потому что, с одной стороны, он практически не знаком с этим понятием, а с другой стороны, само это понятие не вписывается в контекст его прагматических (обывательских) смыслов. Что говорить про обывателя, если даже философия сегодня сочетание понятий — философия и право — не воспринимает серьезно. В современной философии, как справедливо заметил французский философ П. Рикёр, вопросам правового типа уделяется слишком мало внимания, по сравнению, например, с вопросами морали и политики. Даже, несмотря на то, что феномен правового дает философу возможность размышлять о месте права и правосудия в жизни общества — «на пол-

¹ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 30.

пути от морали... до политики»¹, подчеркивает в своих рассуждениях П. Рикёр, современные исследователи все же продолжают в большей мере ориентироваться на соотношение понятий *мораль* и *политика*. И как следствие, они практически не затрагивают специфического статуса «правового» «как если бы его вообще не было»².

Проблема *правового* сегодня полностью принадлежит юристам, которые много говорят о значении правопорядка и права как такового, однако мало внимания уделяют столь необходимым в социальном пространстве смыслам как моральные или идеальные основы права. И в этом нет ничего особенно загадочного, скорее, такое положение можно рассматривать как естественное, конечно, с точки зрения юристов. Современного юриста профессионально готовят не только «анализировать законодательные акты и судебные решения с тем, чтобы он умел извлекать правовую доктрину из этих официальных источников», но также стремятся научить его «анализировать сложные реальные ситуации», чтобы он мог «точно отбирать наиболее существенные факты». К тому же юрист должен научиться мыслить тактически при составлении проектов новых законов и правовых институтов с тем, чтобы осуществлять «намеченные заранее изменения в обществе»³. В силу чего, будучи уже специалистом в области юриспруденции, на практике, принимая те или иные решения, каждый отдельный юрист прежде всего должен «уложиться в заданную ему рамку общих концепций». И, поскольку для юриста общие принципы права, которые он применяет в своей практике, являются «непреложной данностью», постольку он не только не может ставить их под сомнение, но и «оценивать их он может только в контексте всех прочих признанных принципов права»⁴. В таком случае, юрист невольно становится «орудием, звеном в цепи событий», а не их «сознательным инициатором»⁵. Юрист как бы подстраивается под обстоятельства, а не анализирует их с точки зрения должного или сущего.

¹ Рикёр П. Справедливое. М.: ГНОЗИС/ЛОГОС, 2005. Предисловие. С. 10.

² Там же. С. 10.

³ Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 18.

⁴ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 84.

⁵ Там же. С. 84.

В принципе, именно в этом заключается вся суть правового мышления: в своей профессиональной деятельности юрист в первую очередь должен ориентироваться на законодательные и процессуальные проблемы, тогда как проблемы моральных или идеальных основ права выходят за пределы его юридического сознания. Получается, что, единственно, в чем и можно упрекнуть правоведов и практикующих юристов, так это в том, что в своей профессиональной деятельности зачастую, сконцентрировав внимание на принципе — верховенства права, они злоупотребляют *технической* стороной процесса: как в законодательстве, так и в юридической практике. И в силу внутренней динамики профессии, не зависимо от того, составляют ли юристы законопроекты, отвечающие конкретным общественным целям, или консультируют клиентов, или излагают свои доводы в суде, они в большей мере ориентируются на профессиональную *этику*, прибегая к соглашениям «в отношении приемлемых в этих случаях доводов и доказательств»⁶.

Конечно, в действительности суть правоведческих вопросов не сводится только к технике согласования методов или форм, более того существует множество концептуальных вопросов, с которыми юристы вынуждены сталкиваться, и из-за которых между ними часто возникают разногласия. Например, по поводу значения слова «вина», или по поводу вопроса о том, что «такое принципы и что значит применить их»⁷. Не вполне определено, например, как технически следует решать концептуальные проблемы, возникающие при нечетком понятии в *толковании закона* в ситуации, когда допускается его интерпретация. Или в том случае, когда концептуальные разногласия касаются способов решения, так называемых *этических* проблем, когда юрист, например, задается вопросом не об эффективности какого-либо закона, а о его справедливости. Подобного рода вопросы лежат вне сферы деятельности практикующих юристов, поэтому, называя их «правоведческими», они часто расходятся во мнениях относительно *важности* их решения.

Вероятно, следует согласиться с мнением теоретика права и юриста Р. Дворкина о том, что профессиональный подход в юриспруденции

⁶ Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 17.

⁷ Там же. С. 17.

лишь создает «иллюзию успешного решения» правоведческих вопросов, в то время как «по-настоящему важные и принципиальные вопросы права остаются незатронутыми»¹. К вопросам такого рода Р. Дворкин относит моральные принципы права и, в целом, считает, что профессионалы в юриспруденции, «предав забвению моральные основы права», не учитывают, к сожалению, «тот ключевой факт, что суть правоведческих вопросов составляют вопросы, касающиеся моральных принципов, а не фактов и стратегии»². Именно по этой причине, предполагает он, разнообразные современные формы *профессионального* подхода в юриспруденции «потерпели неудачу». Можно, конечно, и так представить положение в юридической науке, связанное с философско-правовой проблематикой. Однако не следует всю вину в решении правоведческих вопросов, а тем более связанных с так называемой «этической юриспруденцией», целиком возлагать на юристов.

В общем плане, несмотря на то, что Р. Дворкин и акцентирует внимание на непосредственной связи общей теории права с философией, в целом он тем не менее говорит об общей теории права, и не рассматривает философию права в качестве отдельной отрасли знания. Общая теория права, так или иначе, опираясь и обобщая накопленный юридической практикой и отраслевыми юридическими дисциплинами материал, в конечном итоге нацелена на решение *юридически значимых* для жизни общества вопросов — это проблемы законодательства, правоприменения, проблемы правовой культуры. Стремясь концептуально обосновать и обобщить эти проблемы, общая теория права с необходимостью ориентируется на философию, используя, в частности, методы философского анализа. Например, концептуально анализируя вопрос о том, в чем состоит значение суждений права и всегда ли они являются истинными или ложными, общая теория права опирается в основном на философскую логику. Иначе говоря, общая теория права в той или иной форме, даже при решении профессиональных вопросов вынуждена делать выбор позиции по тем или иным проблемам, которые неявным образом обсуждаются именно философией, а не являются сугубо правовыми.

К тому же, общей теорией права — ее концептуальной частью, профессионально занима-

ются юристы и, соответственно, теоретики так называемого правового позитивизма, который, надо заметить, ограничен не только рамками юриспруденции, но, соответственно, и юридической догмой. Несмотря на то, что именно юридическая наука по преимуществу наиболее полно исследует право, объективное познание природы, структуры и содержания права все-таки не может в полном объеме быть выполнено рамками только позитивной науки (юридической). Проблема заключается, прежде всего, в методологии, в способах познания права и правовой реальности. Несомненно, методология правового позитивизма способствовала развитию конкретного правоведения, однако, согласно позитивистской установке существует только юридическое право, всякого рода «сверхпозитивные» основания права позитивной наукой не воспринимаются серьезно. Понятно, что такая позиция, в итоге, ведет не только к абсолютизации роли государства, но и к утверждению его доминирующей роли по отношению к праву. Здесь даже не работает классическая установка на то, что право возникло раньше государства и значит может существовать помимо него. К тому же, такая установка не только отрицает возможность нахождения каких-либо оснований права вне реальности государственных установлений, но и зависит от изменений политической ситуации. И, главное, по существу, разводятся такие понятия как «закон как правовое явление» и «правовая сущность закона», а, следовательно, практически из юридической науки элиминируется понятие объективного правового содержания. В таком случае, совершенно очевидно, именно вследствие того, что юридический позитивизм ориентируется только на традиционный подход к праву, он не только не затрагивает вопросов моральной теории, но по сути выходит, что он и не должен этого делать. Более того, ориентируя граждан на законопослушное поведение, правовой позитивизм вообще исключает какие бы то ни было условия консенсуса. Стоит ли в таком случае обвинять правовой позитивизм в том, что он *предал забвению вопросы морали* в праве, по крайней мере это бессмысленно. Не лучше ли последовать мудрому совету: отдавать «кесареву кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22: 15–22).

Согласно Р. Дворкину, главной проблемой общей теории права является, в частности, то, что она одновременно должна быть не только *концептуальной*, но и *нормативной*. В принципе,

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 25.

такое утверждение очень важно и не столько для общей теории права, которую, собственно, имеет в виду Р. Дворкин, сколько для философии права. В концепции Р. Дворкина нормативная часть общей теории права встраивается «в более общую философию политики и морали, которая, в свою очередь, зависит от философских представлений о человеческой природе и объективности морали»¹. В его *нормативную* теорию входят проблемы, связанные с теорией законодательства, теорией судебного разбирательства и теорией соблюдения закона. В принципе, несмотря на то, что Р. Дворкин и считает главными слабостями современной юриспруденции ее приверженность *фактологии* и *стратегии*, сам тем не менее грешит тем же: рассматривает в большей степени формальные и процессуальные моменты — касается ли это судопроизводства, или права — будь то естественное, институциональное, юридическое.

Проблема между тем заключается как раз ни в авторском предпочтении той или иной темы, или раздела общей теории или философии права, скорее всего она обусловлена общекультурными основаниями. Стоит вспомнить, что в исторический период к. XIX — н. XX века философия права стран Западной Европы практически была сведена к правоведческим наукам и философии политики. В то время как отечественная традиция формирования и развития философии права в этот период в существенной мере была сосредоточена именно на нравственно-правовых принципах — являющихся или долженствующих стать основаниями правотворчества и правоприменения. И в этом ее существенное отличие от философии права стран Западной Европы. В отечественной политико-правовой мысли ценность права в большей мере отождествлялась с его огромным нравственным значением, и считалось, что именно нравственные принципы, присущие праву, способствуют его совершенствованию (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин и мн. др.). Например, по глубокому убеждению правоведа и философа П. Новгородцева, моральные основы права и анализ правовой реальности с моральной точки зрения, заключающийся в *этическом критицизме*², позволяет раскрыть не только специфику права

с точки зрения того, каким оно является, но также помогает рассмотреть право с позиции — каким оно «должно быть».

История, однако, распорядилась так, что именно западноевропейская мысль сегодня в большей мере озабочена идеальными и моральными принципами права³, тогда как отечественный теоретический опыт в этой области не востребуем в полной мере. Например, в исторический период конца XIX — начала XX века тема морального оправдания права стала практически основополагающей для отечественной теоретической мысли. И, главное, что именно *философ* — В. С. Соловьев — заявивший о необходимости оправдания не только добра, но и *права*, задал ту самую *этическую* интенцию в правоведении (о которой сегодня заявляет Р. Дворкин). В частности, он рассуждал о том, что право всегда должно соответствовать *нравственному* идеалу. В теории «этического минимализма» В. Соловьева *право* выступает *синтезом общественных и частных* интересов, *объективно охраняя ценности (нравственные) индивидуальной свободы и общественного блага*. Философ понимал право как формальную свободу, обусловленную равенством и, стремящуюся к воплощению в общественной жизни *нравственной идеи*, которая определяется *абсолютностью добра*. В социальной сфере, подчеркивал он, устанавливаемая правом равная для всех мера свободы, оказывается не безразличной и к способам проявления этой свободы — в том смысле, что формально нормированная законом свобода действий, предоставляемая человеку в правовом равенстве, не может означать равного права для всех на свободное проявление своей воли.

Возвращаясь к теме правовой нормативности, о которой заявил Р. Дворкин, следует обратить внимание на то, что в отечественной философско-правовой традиции этой теме уделили особое внимание: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, И. А. Ильин и мн. др. Например, П. Новгородцев считал, что областью положительного права, на что, собственно, ориентируется в своей теории Р. Дворкин, применение нормативного принципа не должно ограничиваться. Поскольку формальный анализ права не касается его сущности, а рассматрива-

¹ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.

² Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 306.

³ Этим проблемам посвящены работы известных правоведов и юристов: П. Рикёра, Р. Дворкина, Л. Л. Фуллера, Б. Леони, Б. Жувенель и мн. др.

ется только как «порядок», регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе, и, защищающий интересы личности от всякого рода анти-правовых и анти-общественных действий. В данном контексте социальный статус права задействован лишь на выражении *индивидуального* интереса: автономии личности, личного интереса (принципа), «обеспечивающего только каждому свое» как чье-то право. По мнению правоведа П. Новгородцева, социальная роль права гораздо шире, потому что право представляет собой еще и «норму и принцип личности»¹. В рассуждениях о социальной роли права, нельзя забывать, что только «человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от личной воли и мысли»². Правда, такая установка свойственна далеко не всем, а только человеку, способному воспринимать правовую реальность (т.е. обладающему право-сознанием).

В учении П. Новгородцева нормативный принцип права проходит три стадии развития. На первом уровне происходит исследование формальной стороны действующего права, которое не касается мировоззренческих проблем (т.е. правосознания). На этом же уровне формируется и представление о так называемой философии положительного права, собственно, теории правового позитивизма. Здесь устанавливается и цель — проследить ее генезис. Далее, на следующей ступени осуществляется расширение теоретического содержания за счет эмпирического анализа *идеи* права. Согласно П. Новгородцеву, эта стадия — лишь путь или ступень перехода от изучения эмпирических явлений к идеальным, сущностным принципам права. В качестве примера П. Новгородцев называет психологическую теорию Л. И. Петражицкого. Завершается исследование нормативного принципа права на третьей стадии. И на этом же уровне через философский синтез раскрывается подлинная сущность права — безусловно, этическая.

По существу, в своей нормативной концепции П. Новгородцев предлагает расширить возможности познания социальной роли права и проводить не узкопрофессиональное (цеховое), а комплексное исследование, используя при этом сочетание философского, исторического

и догматического методов. В философии права мыслителя, наряду с этим, можно выделить две основные методологические оппозиции. Первая оппозиция — исторического и философского методов исследования теорий и общественной жизни, вторая оппозиция — историко-генетического и социологического методов исследования, с одной стороны, и этико-нормативного, с другой³. Вообще надо заметить, что методологическая рефлексия П. Новгородцева существенно обогатила методологию изучения идей. В целом, его рассуждения представляли особую социокультурную ценность, т.к. «находились в основном идейном русле развития европейской философии, совпадали с концептуальными разработками философии жизни, социологии познания и были близки к социологии Макса Вебера»⁴.

П. Новгородцев принципиально считал, например, что на основе знания законов развития или на базе имеющегося опыта и знаний о развитии права в прошлом, нельзя определить перспективы или направление совершенствования права в будущем. Для этого необходимо имеющиеся знания о праве оценить с этической точки зрения. Конечно, судить историю и говорить о ее желательных результатах, по мнению Новгородцева, может лишь нравственное сознание, способное давать не только указания, но и «категорические веления», и «не условные советы, а безусловные предписания»⁵. Не отрицая очевидной изменчивости нравственного мировоззрения, меняющегося с течением времени в соответствии с культурными изменениями в общественной жизни, мыслитель между тем настаивает на понятии «абсолютной ценности нравственного долженствования». Смысловое содержание каждой нормы соответствует требованию: «ты должен», которое, в свою очередь, порождает вопрос о нравственной основе этого долженствования, которое имеет совершенно иной смысл — это абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы»⁶.

Обобщая, следует отметить то, что, в отличие от юридической нормативности, философ-

³ См.: Кацапова И. А. Философия права П. И. Новгородцева. М., 2005. С. 76–78.

⁴ Осипов И. Д. Философия русского либерализма XIX — начало XX в. СПб, 1996. С. 111.

⁵ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 220–241.

⁶ Там же. С. 286.

¹ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 279.

² Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб, 1999. С. 14.

ско-правовая нормативность дает возможность выразить правовую норму не только как модель общественных отношений и поведения людей, но также позволяет выяснить *императивно-атрибутивную* сущность *правоотношений*, которые по существу отражаются не только в моральном сознании индивида, но даже более в его правосознании. Такого рода отношениям много внимания уделял философ и социолог Л. И. Петражицкий (в XIX веке). Свою теорию права и государства он называл «психологией», и, в сущности, все различия между правом и нравственностью рассматривал не с точки зрения рациональных суждений, а с точки зрения эмоциональных реакций, вызываемых исполнением или неисполнением как правовых, так и моральных требований. В концепции Л. Петражицкого к тому же основное различие между правом и нравственностью — составляет различие между правовой и нравственной психикой, которые он связывал с коренным различием функций права и морали: *атрибутивной*, выражающей *сознание своего права*, и *нормативной*, сориентированной на *сознание своей обязанности, долга*. По существу, главное различие права и нравственности ученый сводил к различию между чисто императивным характером нравственных импульсов и соответствующего им императивно-атрибутивного характера права¹.

Иными словами, рассматриваемое Л. Петражицким правосознание, или психика права, базируется на *мотивационной* способности индивида, а это, надо заметить, есть область бессознательного, согласно которой деятельность (в данном случае поведение) человека освоена настолько, что выполняется практически механически, без творческого подхода к ней. В социальной психологии правосознание такого рода определяется как *практическое* сознание (Гидденс Э.), сориентированное на утилитарное восприятие, в данном случае понятия *право* — как *свое* право (или права). Индивидуалистический принцип правосознания в таком случае представляет собой не способность, а сам процесс познания права как *просто* знания о нем. К тому же развитие правосознания как способности находится *вне* зоны целенаправленного воздействия (т.е. воспитания). Воспитанию, в принципе, поддается как рациональное действие, так и постановка

целей, но не мотивирующая способность, которая складывается объективно, вне контроля и под влиянием множества неучитываемых, неоднозначно действующих факторов. В таком случае речь идет лишь об *отражении* права в сознании человека как *своей принадлежности ему*. Разумеется, если бы правосознание просто отражало реальность, тогда все понятия о праве и государстве были бы эмпирически обоснованными. Но проблема заключается как раз в том, что правосознание не просто что-то отражает, оно, прежде всего, живет по своим законам. Обнаружение того, откуда берутся т.н. *свои законы* и как формируются, не позволяет само по себе понять, почему в правосознании так, а не иначе предстают те или иные основания.

Концепцию Л. Петражицкого существенно дополнил положениями о соотношении права и морали, отражающихся в правосознании индивида, правовед П. Новгородцев. В рассуждениях П. Новгородцева, и это вполне очевидно, просматривается преемственность русской философии права на проблему соотношения права и нравственности, которая, прежде всего, выступала в качестве главной проблемы соотношения закона и добра (прежде всего в творчестве В. С. Соловьева). По существу, считал П. Новгородцев, право не является прямой противоположностью морали, а, напротив, имеет нравственную составляющую, в том смысле, что в общественном пространстве и у морали, и у права практически единая задача, состоящая в осуществлении социального равноправия и благополучия (равновесия интересов — личного и общественного). Право может называться правом только тогда, когда система социально-правового принуждения соответствует природе, смыслу и целям социально организованного благополучия человека в обществе.

В социальной реальности индивид не фиксирует границ между правом и моралью, потому что по сути обе категории соотносятся по принципу взаимодополнения. Неочевидная, но социально необходимая связь между правом и моралью есть совершенно обоснованная *право-мерная* реальность, в которой требования права и требования морали не просто иногда совпадают, главным и основным условием их взаимодействия является то, что сама *идея* права, т.е. *сущность закона* (или сам закон) должна соответствовать требованиям морали. Естественно, это не должно и не сводится к тому, что право и мораль совпа-

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб, 1909. С. 153–154.

дают полностью (например, обязанность вежливости, благодарности — не может быть правовой, а только моральной и т.п.). Истина заключается в том, что каким бы ни было правило — оно может быть законом, только в том случае, если требует *как минимум морально допустимого*, иначе: «несправедливый закон — это не закон вообще» (*lex injuste non est lex* — св. Августин). Соответственно, *моральность* может рассматриваться как необходимое условие для законности, в том смысле, что соответствие некоторым требованиям морали является важным условием для *определения* закона.

Таким образом, разногласия, возникавшие в полемике между Л. Петражицким и П. Новгородцевым по существу вопросов морали и права в общественной жизни, в большей мере, касались различия их методов познания проблемы соотношения этих категорий — психологического, с одной стороны, и рационального, с другой¹.

Во всяком случае, отмечая, развитую Л. Петражицким теорию права, как «большую оригинальность», П. Новгородцев между тем указывал на ее практическое значение в том смысле, что она, прежде всего, подчеркивала «нормативный и идеальный характер права»². Сам же П. Новгородцев считал, что право можно воспринимать не только как мотивацию, сориентированную на утилитарное восприятие самого понятия *право* — как *свое право* (или *права*), но рассматривал *право* — как *творчество*, как данность *сознания права*. В философском смысле правосознание в таком случае надо понимать как *сознание правового*, или правосознание. Предметом правосознания в таком случае становится реальность в целом — реальность правовой жизни, или правовая реальность. Например, Гегель в своей «Философии права» в поиске *закономерного* в позитивном праве, пытался определить, что есть *именно правовое* в законе.

¹ Об этом лучше см. их полемику: Новгородцев П. И. К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л. И. Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 66 (I); Петражицкий Л. И. К вопросу о возрождении естественного права и нашей программы // Право. 1902. С. 1794 и сл.; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб, 1909; Новгородцев П. И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб, 1899.

² Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб, 2000. С. 235 (сноска).

Итак, если правосознание (практическое сознание) связано с мотивами, то императивно-атрибутивный принцип правосознания рефлексивен (Я и другой — в идеальной сфере) и реально (Я и другой порождают знание, чувствование права только в контексте друг с другом). Рефлексирующее правосознание связано с целями и причинами, и сориентировано на что-то идеальное и общее. В данном случае рефлексивность правосознания обнаруживается в акте индивидуального творчества, которое, в свою очередь, предполагает наличность культурного компонента, задействованного на раскрытие проблем сопоставления и понимания. К тому же, рефлексирующее правосознание выделено из ситуации, оно является ее формой. В то время как правосознание (практическое сознание) слито с побуждениями, с мотивационным фоном, по сути, являясь им.

В общем плане, главная мысль П. Новгородцева, которая, собственно, и выделяет его концепцию, сводилась к тому, что в социальной реальности право в принципе «не может быть выделено и отнесено только к одной стороне культурной жизни человека: будь то государственная организация, или общественные отношения, или даже «психические переживания». Право, являясь социальной нормой, внешне ограничивающей действия индивида в общественной жизни, одновременно содержит в себе не только требование подчинения некоторому высшему принципу, но и наличие обязательств, принимаемых индивидом. В социальном пространстве на человека возложены обязанности, которые рассматриваются как обязанности по отношению к другим людям вообще и обязанности по отношению к конкретным индивидам. Такого рода обязанности «поддаются формализованному определению без особых трудностей»³. Право же как социальное явление не только регулирует правоотношения, но и через правосознание может выступать в качестве этического *принципа — нравственно-регулирующего* общественные отношения. В таком случае вполне правомерно «видеть в праве не только продукт воли, но также и явление нравственного мира»⁴, и так же правомерно будет допускать нравственную оценку юридического права (закона).

Продолжая отечественную традицию, ученик П. Новгородцева философ и правовед

³ Фуллер Л. Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 57.

⁴ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб, 1999. С. 15.

И. А. Ильин предложил свою концепцию правосознания, назвав уровни его развития — *аксиомами правосознания*. В частности, И. Ильин считал, что без «живого правосознания» вообще невозможно построить никаких социально-структурированных отношений. Правовед считал, что культура права, или правосознания прежде всего зависит от «работы над расширением и уточнением своего внутреннего духовного опыта»¹, поэтому и соотносил развитие правосознания с внутренним духовным развитием личности. Согласно И. Ильину, основополагающим в знании о праве является то, что «сознавать право — не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций», поэтому человек, знающий законы, и человек, осознанно следующий правилам общепития, не одно и то же. Обоснование права как *объективно значащего* установления «постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а мыслью». Для того, чтобы «иметь зрелое правосознание, необходимо выносить в душе особый опыт»², который неминуемо порождает убеждение в действительной, объективно сложившейся природе права. Именно поэтому, считал И. Ильин, необходимо, чтобы *каждый «усмотрел с силой очевидности объективное значение права»*³. И только в таком случае, человеку будет понятно, что за внешней формой правовых норм стоит не формальная, а совершенно конкретная человеческая воля, убеждение самого человека, культура его поведения.

В сознании человека правовые нормы живут как правовые смыслы, которые, на самом деле, обладают двойственной природой. По существу они являются установками нравственного сознания человека, потому что являются такими же внутренними состояниями его духа, как и этические нормы. Важно так же учитывать и то, что основы правового воспитания закладываются до всякого знакомства с собственно правовым материалом, предпосылкой любого правового воспитания является воспитание нравственное, которое задает условие усвоения правовых установок и принципов.

В морали, например, решающее значение имеет уровень элементарных моральных (нравственных) требований, императивов, аксиом, запо-

ведей, прямо выражающих значение нормы или внутренне имеющие к ним отношение⁴. В праве устойчивые, повторяющиеся, необходимые правовые смыслы, которые правовед И. А. Ильин назвал «аксиомами правосознания»⁵, акцентируют внимание на тех способностях человеческого бытия, которые делают право возможным. Согласно И. Ильину, основными аксиомами правосознания выступают: закон духовного достоинства (самоутверждения); закон автономии (способности к само-обязыванию и само-управлению); и закон взаимного признания (взаимное уважение и доверие людей друг к другу).

В мире человеческих отношений реальность права предполагает, прежде всего, правовое понимание и правовой подход к основным социальным отношениям. Поэтому характеристикой современного человека является не только уровень его самопознания, или нравственного совершенствования, но одновременно и уровень его правосознания как необходимой установки, способствующей современному человеку не только воспринимать юридическую теорию, но более того ориентироваться в юридической практике.

Не подлежит сомнению то, что правосознание — как форма сознания и мировоззрения формируется в процессе правовой социализации, что по сути является отражением правовой действительности в сознании человека. Правосознание в таком случае, согласно И. Ильину, во-первых, формирует юридические знания человека; во-вторых, оценочное отношение к праву как ценностному явлению: к законодательству, к правореализации, к правовым гарантиям и т.п.; в-третьих, правосознание формирует правовые установки и ценностные ориентации людей, регулирующие их поведение в социальном пространстве в юридически значимых ситуациях. Однако, если ориентироваться на соотношение морального и правового нормативного поведения в обществе, то, следует подчеркнуть, что правовое регулирование действий и отношений возможно лишь там, где объективно существует доказуемость конкретных деяний и исполнимость правоотношений посредством юридического процесса. В любом другом случае оцениваются только действия людей, посредством изучения мотивов этих действий или поступков.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008. С. 331.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 331.

⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 14.

⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания // Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 128.

Проблема правосознания, как представляется, весьма актуальна для современного *общественного* (или коллективного) сознания. И помочь наглядно и, даже более, плодотворно разобраться с проблемами — постановки и решения проблемы правосознания в свете современных тенденций может как раз исторический опыт¹. В контексте современной социокультурной или даже общественно-политической ситуации проблема моральных принципов права для современного юридического сознания, являющегося характерной особенностью развитых государств, становится *наущной* проблемой. Получается, что юридическое мировоззрение, сориентированное на осуществление совершенно объективных форм общественной жизни — на свободу, равенство, права человека, получившие выражение и закрепление в ряде актов международного сообщества, по существу, оказалось в социальной изоляции. И это очевидно, потому что теоретиков права западноевропейской традиции все больше интересуют вопросы этической или моральной сущности права — будь то проблемы морали права, или просто морали. Понятно также, что сегодня проблемы правовой культуры общества непосредственно связаны и с темой правосознания.

В России, надо заметить, в теоретическом плане создана обширная философско-правовая база, исследование которой поможет в решении многих сложных и противоречивых тем и проблем, связанных как с правовой культурой, так и с правосознанием, несмотря на то, что большая часть концепций созданы в исторический период конца XIX — начала XX столетия. Сегодня, например, вполне актуальна проблема соотношения естественного права и естественных прав, собственно, это та самая естественно-правовая проблематика, которая обсуждалась и теоретически оформлялась в концепции, сформировавшимся в этот исторический период целом направлением — возрожденное естественное право (отечественная естественно-правовая

школа, возглавляемая П. И. Новгородцевым). Или взять современные философско-правовые дискурсы между юристами и философами по мировоззренческим и методологическим проблемам формирования общей правовой культуры. В истории отечественной философско-правовой мысли, указанного периода, грандиозный дискурс между философом В. С. Соловьевым и правоведом Б. Н. Чичериным. Собственно, усилиями *философа* В. С. Соловьева, предложившего доктрину «оправдание добра», практически была сформирована та самая *этическая* направленность в философской и юридической мысли. И что важно — именно влияние его идей обусловило эволюцию взглядов теоретиков права в направлении и истолковании философско-правовой идеи в духе традиционных христианских ценностей. Можно даже сказать, что именно философско-правовая концепция В. Соловьева стала основанием активной полемики большей части профессионалов юристов, философов, социальных философов вокруг философско-правовых проблем. В нее активно включились как сторонники т.н. позитивистского направления в юридической науке: Г. Шершеневич, Н. Коркунов, С. Муромцев, М. Ковалевский, так и теоретики т.н. московской школы естественного права во главе с П. Новгородцевым (Е. Трубецкой, Н. Алексеев, И. Ильин, А. Яценко, Б. Вышеславцев), которые не только приняли активное участие в дискуссиях, но параллельно развивали в своих работах теорию возрожденного естественного права².

По сути, именно в творческой дискуссии различных правопониманий, концепций, исторически сложившихся как в странах европейской цивилизации, так и в России заключается *единство* философии права. Поэтому сегодня мало просто, заявить о том, что юриспруденция, опираясь на традиционный подход к праву, *должна* вернуться и к решению вопросов «моральной теории» (Р. Дворкин), необходимо еще попытаться осмыслить проблему взаимосвязи права с моралью — тем более, что она одна из самых давних традиций истории общественной мысли.

¹ Проблема права и правосознания была ключевой в отечественной как юридической, так и философской литературе конца XIX — начала XX века. Она активно обсуждалась на страницах журнала «Вопросы философии и психологии», в сборниках статей «Вехи» и «Проблемы идеализма», в отдельно изданных монографиях. В «Вехах» (1909) была опубликована статья Богдана Кистяковского «В защиту права», которая стала сенсацией в свое время, но многие положения которой не утратили актуальность и в наши дни.

² Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1909. (СПб, 2001); Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008; Новгородцев П. И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6; Яценко А. С. Теория федерализма. СПб, 1999; Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага, 1924.

Современное представление о ценностном взаимодействии морали и права естественным образом опирается именно на анализ исторической логики развития их взаимоотношений. В таком случае, анализируя традицию осмысления права в тесной связи с категориями морали, следует отметить тот факт, что изменение ценностных приоритетов от эпохи к эпохе влияет на конкретные изменения в теоретической правовой мысли и, соответственно, в практической нормативной жизни.

Нельзя забывать к тому же, что в системе современных ценностей — говорим ли мы о духовных смыслах, или о праве, или о справедливости — все это непосредственно составляет ту самую реальность — *правовую реальность*, которую исторически создал сам человек, и главное, на что следует обратить внимание, в первую очередь — для самого же человека. Поэтому сегодня обоснование необходимости формирования знания философско-правовой проблематики является вполне актуальной проблемой. Например, даже для современной философии значение *философии права* имеет весьма прагматический смысл — на риторический вопрос: «зачем современному человеку нужна философия?», вполне резонно можно ответить: прежде всего для того, чтобы — жить достойно, или хотя бы иметь на это право.

Практическое значение философия права имеет не только для философов, но также и для юридической науки, и даже для юридической практики, на которую философия права может влиять в решении процессуальных вопросов. Хотя, следует заметить, что до сих пор остается открытым вопрос о необходимости существования философии права, особенно для практикующего юриста, искренне сомневающегося в том, нужна ли ему вообще философия права. Юридическое сознание не воспринимает серьезно знание философии права прежде всего потому, что считает ее теорию отвлеченной и спорной, содержащей больше вопросов, чем ответов. Насколько, в таком случае, конкретны юридические категории — правовая свобода, равенство сторон или права человека? Однако, как писал создатель «Капитала» К. Маркс, «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох», по существу своему в самой этой определенности абстрактности представляют собой «продукт исторических

условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»¹.

В любом случае — прежде чем решать вопрос о назначении или сущности права и правовой реальности, важно выяснить на какую часть общей теории и философии права — на концептуальную или нормативную, ориентируется юрист, правовед, или философ. Важность этого условия заключается в необходимости определения, например, статуса деятельности юриста — является ли он практиком, следующим заповедям профессии, или он концептуалист, решающий проблемы права и правоорганизации общества. Вполне нормальным воспринимается сегодня и то, что именно юридическая наука занимается философско-правовой проблематикой, выявляя *метаюридическое* значение права, определяя его идеальные и моральные смыслы. Правда, зачастую это происходит, как считает классик современной политической и экономической мысли Ф. Хайек, следующим образом — в рамках *новой философии*, или общей философии права, те же самые юристы, которые некогда рьяно оберегали закон, теперь при помощи тех же методов и навыков, «столь же непреднамеренно, превращаются в революционную силу и столь же эффективно переделывают закон во всех его деталях»².

Общая философия права, которая, по мнению Ф. Хайека, «только недавно обрела господствующее положение», практически не согласуется с большей частью существующих законов, а «философские предубеждения, направляющие юриспруденцию» сегодня, в свою очередь, «всецело находятся под влиянием людей, главной заботой которых является публичное право, или правила организации правительства»³, а не системы «правил личного поведения», которая к тому же скорее всего «будет преобразована в систему правил (функционирования) организации»⁴. По всей вероятности, проблема, судя по всему, сводится не только к этому.

Ситуация в юриспруденции сегодня такова, что лидерство от профессионалов *частного* права, утверждает теоретик права Ф. Хайек, перешло к специалистам в области *публичного* права⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 42.

² Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 85.

Соответственно, современные юристы, «в качестве инструмента общего, не ими созданного замысла, превратились в орудие *не принципов справедливости, а аппарата*, в котором индивидуум вынужден служить целям своих правителей»¹ (курсив — И.К.). Последствия *такого* расклада сил вполне очевидны, и, к сожалению, касаются они уже не просто темы права, а темы универсальных прав личности и ее свободы. Понятно, что для официальной концепции права — «идея прав, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству и которые имеют преимущество перед правами, четко определенными в законодательстве»², в принципе неприемлема. И в этой ситуации беспокоит в большей мере то, что в современных условиях трансформации права — *право* в качестве главного защитника личной свободы, — подчеркивает теоретик права Ф. Хайек, «обречено на исчезновение»³.

Другой теоретик права, итальянский юрист Б. Леони, предлагает для тех, «кто ценит личную свободу» вообще обратить внимание и даже «пересмотреть место индивида внутри правовой системы как таковой»⁴. И одна из ключевых идей, сформулированных в его концепции, сводится к необходимости проведения различия между *правом* и *законодательством*. Стоит обратить внимание на то, что именно на различие между *правом* и *законодательством*, а не между, например, *правом* и *законом*. Характерной чертой современной эпохи он считает, наряду с научным и технологическим прогрессом, «растущее значение законодательства почти во всех правовых системах мира»⁵. В законодательстве сегодня видят средство от всех бед и зол, не подвергая сомнениям саму идею о том, что «закон может не совпадать с законодательством». Однако понимание принципа различия между *правом* и *законодательством* позволит не только адекватно совершенствовать процесс правотворчества, но и вполне вероятно, что такое понимание может благоприятно отразиться и на правовой политике в целом.

Действительно, парадокс нашего времени заключается именно в том, что нами управляют

законы, которые составляют набор официально принятых приказов. И, чтобы верно представлять себе пределы официально «действующего» законодательства, необходимо сориентироваться на классическое правило: *незнание закона не освобождает от ответственности*. В данном случае, учитывая то, что простой человек не только ни знает содержания очень многих законодательных актов, но более того, о существовании многих из них даже и не подозревает, можно предположить, что, проявляя неосознанную небрежность в их соблюдении, он подвергает себя значительному риску. И, если серьезно принять обеспокоенность итальянского правоведа Б. Леони, и учесть, что современное законодательство «практически несовместимо с личной инициативой и правом принятия решений»⁶, то в этой связи стоит задуматься и над вопросом о том, «совместима ли в принципе личная свобода с нынешней системой, в которой законодательство является центром правовой системы, а правовая система практически отождествляется с законодательством»⁷.

Сегодня принято считать, например, что законодательство — это благо само по себе. Однако итальянский юрист это опровергает и подчеркивает, что как раз именно избыточное законодательство препятствует реализации принципа — *верховенства права*. Идея верховенства права, согласно которой право возникло раньше государства, и, соответственно, именно оно должно формировать государственную политику, является центральной идеей всякой политической науки. В практической же плоскости ситуация выглядит несколько иначе: современное право зависит от государства, только потому, что по существу вырабатывается самой Властью. В определенном смысле законодательство зависит от государственной политики и, соответственно, не может препятствовать ей или быть ей судьей⁸. Сегодня законодательство — «это конечный пункт процесса, в котором власть всегда торжествует, часто над индивидуальной инициативой и свободой»⁹. Понятно, в таком случае, почему сегодня трудно требовать от тех, кто управляет обществом, быть справедливыми.

¹ Там же. С. 85.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 10.

³ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 85.

⁴ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 25.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 25.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 403.

⁹ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 22.

Надо заметить, что социальная *инженерия* — современный технологический подход в правотворчестве, по существу вытесняет его классические формы, когда, например, «законы и институты общественной жизни считались существовавшими от века» и, когда «законодательство» сводилось лишь к попыткам зафиксировать и сделать известным уже существующий закон, который неизменно воспринимался как данный. Или, когда существовал общий для всех древних *законодателей* (взять ли законник Хаммурапи, или Ману, или свод правил Солона...) принцип, согласно которому, они не должны были создавать *новый* закон, а просто обязаны были зафиксировать закон таким, каков он был всегда. Законодатели могли только редактировать существующие нормы.

Концепция закона как «продукта осознанной человеческой воли впервые получила полное развитие в античной Греции»¹. Однако и здесь распространялся принцип: «обвинения за незаконное действие», которым считалось изменение закона и, которое, соответственно, сурово наказывалось. Существовала сложная процедура для изменения основных *правил справедливого поведения*.

Вообще сама идея, что закон может быть создан людьми, была «чужда мышлению древних народов»². Даже римское право, оказавшее огромное влияние на формирование континентальной правовой системы, не было исключением. В Древнем Риме, правовая система которого переживала максимальный расцвет, право рассматривалось как нечто, открываемое судьями и юристами, и не отождествлялось с тем, что создают и за что голосуют группы законодателей. По сути, римляне «разделяли мысль о том, что закон — это нечто, что нужно *открыть*, а не *ввести в действие*, и что в обществе нет никого настолько могущественного, чтобы он мог отождествить свою волю с законом всей страны»³ (курсив — И.К.).

Конечно, история *не стоит на месте*. И вряд ли можно отождествлять общественную организацию, скажем, Древней Греции и современной России. Однако, тем не менее, часто за *глобально* организованной деятельностью человек

пропускает мимо элементарную условность: как бы ни были изменчивы нравы, в общем, суть морали остается неизменной. И как бы сегодня ни утруждали себя юристы доводами о том, что современное законодательство в силу каких-то объективных причин вынуждено не учитывать интересы личности — на универсальные заповеди альтернатив им не найти. Современные законодатели в процессе законотворчества, в отличие от их *древних* коллег, напротив, выступая от имени граждан — «как бы представляя» их интересы, «оправдывают полное отождествление законодательства и права» ссылками, например «на непрерывные изменения, связанные с развитием технологий»⁴. Разумеется, такая версия не соответствует действительности, в том смысле, что реальными условиями любого будь то технического, или научного исследования являются прежде всего *личная инициатива* и *личная свобода*, в которых подобного рода деятельность как нуждалась, так и продолжает нуждаться. И, конечно, проблема не должна рассматриваться на уровне отказа или нивелирования роли законодательства, или самого процесса его формирования, проблема, надо полагать, скорее должна решаться на уровне необходимости более тщательного подхода к оценке предполагаемых выгод «законодательного процесса относительно других процессов создания законов»⁵.

Сегодня правоведы не вполне уверены в том, как относится к проблемам такого рода, как вообще все это связано с ключевыми вопросами политических обязанностей и обеспечения правопорядка, с которыми они непосредственно имеют дело. В поиске аргументированного обобщения определения *универсальности* права специалисты продолжают дискурс, говорят, например, что право само по себе универсально, и в то же время, при попытке выяснить, в чем критерий универсальности: является ли право лишь нормой общего характера, или оно должно охватывать также «специфические или разовые распоряжения»⁶, заходят в тупик. Столь же трудно поддается обобщению и определение того, что вообще включает в себя понятие *универсальность* — «класс действий, класс лиц, или их и то и другое»⁷.

¹ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 25–26.

⁴ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 21.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Фуллер Л. Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 134.

⁷ Там же. С. 134.

Современная система связей и отношений, осмысление возможностей и границ реализации универсальных принципов права приобретает особое значение в мировом масштабе, где по преимуществу право является первоосновой и фундаментом общественной жизни, реализуя принципы: концепции правового государства, верховенства права, осуществления прав человека. При этом система социальных связей и отношений в этих государствах строится на базе позитивистского юридического мировоззрения, которому присущ формальный подход к анализу жизненных отношений и, соответственно, институтов, когда действительность права напрямую зависит от должным образом узаконенных наказаний или санкций. В действительности, и это не всегда учитывают представители позитивистских направлений, общественные отношения строятся и структурируются не только на уровне юридического мировоззрения, но более всего ориентируются на т.н. духовные ценности, моральные принципы. В силу чего, многими современными учеными и теоретиками права, понятие права определяется как «данность, смысл которой заключается в реализации *идеи* права», которая в свою очередь рассматривается в качестве «элемента культуры»¹.

Определенно, такой подход имеет значение и не только научное, но и практическое и, конечно, нравственное, поскольку позволяет обратить внимание не столько на социокультурные и социоклассовые основы и детерминанты права, его связь с государством, сколько на его духовные аспекты, которые определяют смысл права в его связи с идеалами. В частности, с общественным идеалом, а также с правовым идеалом, с правовой культурой и даже с правовой идеологией, т.н. политикой права. Государство и юриспруденция, как справедливо заметил советский философ В. В. Бибихин, «способны только преподавать право как факт», тогда как философской задачей является именно обоснование права и «развертывание» его основания². Разумеется, эти условия не исключают необходимости параллельно усваивать природу как социокультурного аспекта права, так и правоотношений. Философская рефлексия по поводу права не исключает в этом смысле того, что человек должен знать природу

права и, соответственно, должен быть знаком с историей зарождения и формирования права и правоприменения. По сути, речь здесь должна идти о той самой правовой культуре, но не в общем, абстрактном плане, а в частном, конкретном определении — правовой культуре человека.

Именно поэтому есть все основания утверждать, что философия права, являясь междисциплинарной областью знания, способна в решении общих вопросов ориентироваться на методологию как философии, так и юридической науки. Потому что, если ориентироваться на систему философского знания, то философия права опосредованно зависит от трактовки ее роли и места в этой системе, соответственно, и проблематика ее встроена в контекст духовной жизни общества, отражая тем самым богатство и многообразие его духовной культуры. В то время как, ориентируясь на область юридического знания, правовая культура включает в себя уже те ценности, которые созданы людьми в области права: законодательная система, система юридических актов, эффективность деятельности юридических институтов и учреждений, соответственно, качество юридической практики. В общем же плане все эти исследования дают полную картину правовой реальности, с которой непосредственно или опосредованно пересекается человек в общественном пространстве.

Относительно же самого человека или отдельной личности следует сказать, что правовая культура понимается здесь как определенное позитивное состояние ее правосознания и, следовательно, правомерное поведение, которое уже в свою очередь спроектировано и реализовывается в соответствии с алгоритмом всей правовой системы. Для правовой природы человека определяющим условием осознания значения права является то, что правовая культура охватывает все сферы правовой формы общественной жизни людей. В таком случае особое место правосознания в истории культуры объясняется еще и тем, что правосознание непосредственно влияет на правопорядок. В целом разработка философско-правовой проблематики может быть представлена как проблема формирования и развития правовой культуры и не только самого человека, но и общества в целом.

Сегодня юридическая наука пытается решать насущные проблемы, такие, например, как проблема принципиального размежевания права и законодательства, чтобы снять остроту дискус-

¹ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 16.

² Бибихин В. В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. С. 3.

сий по поводу верховенства права или закона, и чтобы более четко сформулировать — что есть все-таки *право*, а что — *закон*. Для этого, конечно, необходимо принципиально выяснить: с одной стороны, чем же обеспечивается действенность системы правовых норм? А, с другой стороны, определить — что мы вообще должны считать законом? К тому же, если рассматривать правовую систему в целом, надо подчеркнуть, что по своему содержанию она авторитарна, но, следует заметить, что в самой авторитарности заложен основной смысл «снятия» конфликтов между интересами личности и общества. Практически, принцип согласованности в правовой системе, основанной на компромиссе, примиряющем различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве, уже заложен в содержание современных конституций каждого государства. И, несмотря на то,

что правовой порядок, на чье-то усмотрение, может не являться, например, достаточно совершенным или справедливым, тем не менее, как подчеркивает теоретик права О. Хёффе, и все-таки понятийно он принципиально *отличается от организованной преступности*¹.

Иными словами, сегодня реальность права должна изучаться как единое целое — с учетом как мировоззренческих, так и методологических принципов, и не только юриспруденции, но таких областей знаний как политология, социология, этика, а главное, конечно, философия — по определению. Во всяком случае, именно профессиональная компетентность во всех областях знания, которые непосредственно или опосредованно пересекаются с юридическими вопросами, способна адекватно решить проблему подходящего общественного устройства и правил справедливого поведения в нем.

Список литературы:

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага, 1924.
2. Бибахин В. В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005.
3. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008.
6. Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008.
7. Кацапова И. А. Философия права П. И. Новгородцева. М., 2005.
8. Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. М., 1968.
10. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб, 1999.
11. Новгородцев П. И. К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л. И. Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 66 (I).
12. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб, 2000.
13. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
14. Новгородцев П. И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб, 1899.
15. Осипов И. Д. Философия русского либерализма XIX-начало XX в. СПб, 1996.
16. Петражицкий Л. И. К вопросу о возрождении естественного права и нашей программы // Право. 1902. С. 1794 и сл.
17. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб, 1909.
18. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
19. Рикёр П. Справедливое. М.: ГНОЗИС♦ЛОГОС, 2005.
20. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1909. (СПб, 2001).
21. Фуллер Л. Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.
22. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
23. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
24. Хёффе О. Справедливость. М.: Праксис, 2007.
25. Яценко А. С. Теория федерализма. СПб, 1999.

¹ Хёффе О. Справедливость. М.: Праксис, 2007. С. 50.

References (transliteration):

1. Alekseev N. N. Osnovy filosofii prava. Praga, 1924.
2. Bibikhin V. V. Vvedenie v filosofiyu prava. M.: IF RAN, 2005.
3. Dvorkin R. O pravakh vser'ez. M.: ROSSPEN, 2004.
4. Zhuvanel' B. Vlast». Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya. M.: IRISEN, Mysl», 2010.
5. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya // Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva. M., 2008.
6. Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva. M., 2008.
7. Katsapova I. A. Filosofiya prava P. I. Novgorodtseva. M., 2005.
8. Leoni B. Svoboda i zakon. M.: IRISEN, 2008.
9. Marks K., Engel's F. Soch. T. 46. Ch. I. M., 1968.
10. Novgorodtsev P. I. Istoricheskaya shkola yuristov. SPb, 1999.
11. Novgorodtsev P. I. K voprosu o sovremennykh filosofskikh iskaniyakh (Otvet L. I. Petrazhitskomu) // Voprosy filosofii i psikhologii. 1903. Kn. 66 (I).
12. Novgorodtsev P. I. Kant i Gegel» v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve. SPb, 2000.
13. Novgorodtsev P. I. Nравstvennyi idealizm v filosofii prava // Problemy idealizma. M., 1902.
14. Novgorodtsev P. I. Pravo i нравstvennost» // Sbornik po obshchestvenno-yuridicheskim naukam. Vyp. 1. SPb, 1899.
15. Osipov I. D. Filosofiya russkogo liberalizma KhIKh-nachalo KhKh v. SPb, 1996.
16. Petrazhitskii L. I. K voprosu o vrozozhdenii estestvennogo prava i nashei programmy // Pravo. 1902. S. 1794 i sl.
17. Petrazhitskii L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti. T. 1. SPb, 1909.
18. Radbrukh G. Filosofiya prava. M., 2004.
19. Riker P. Spravedlivo. M.: GNOZIS◊LOGOS, 2005.
20. Trubetskoi E. N. Lektsii po entsiklopedii prava. M., 1909. (SPb, 2001).
21. Fuller L. L. Moral» prava. M.: IRISEN, 2007.
22. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost». M., 1995.
23. Khaiek F. A. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. M.: IRISEN, 2006.
24. Kheffe O. Spravedlivost». M.: Praksis, 2007.
25. Yashchenko A. S. Teoriya federalizma. SPb, 1999.